Степан не говорил никому, но им правил круг.

Первым обычно брал слово толстый, ленивый Соломон. Он ворчал: -в пизду; хватал подушку и, улёгшись на неё всем телом, засыпал. Другие начинали суетиться, толкать-пихать Соломона, стараясь выдрать злосчастную подушку из-под туши, но это всё было тщетно.

Соломон своей ленью легко перевешивал любые стремления. В прошлом он несколько лет провёл в монастыре Лао Гун, где Цин Да И увидел в нём одну из ипостасей Будды и всеми силами вёл своего ученика к просветлению. Всё что вынес Соломон из стен монастыря - это крепкая уверенность, что солнышко будет светить, что бы он не делал, а потому делать что-либо бессмысленно. Постигнув истину, Соломон занял первое утреннее место в кругу и принялся со всем старанием делать ничего.

Однако, будучи по натуре не жадным и добрым, он не держал подушку слишком долго, и с лёгкостью расставался с ней, как только остальным удавалось его разбудить.

Бывали дни, когда по странному стечению обстоятельств, первый говорил Борис.

Боря носил шорты с пальмами, сланцы и тонкую золотую цепочку. Он горел, бурлил и действовал, однако же весьма ловко и без суеты. Всё, до чего касался Борис, упорядочивалось и приходило в движение. И вот парадокс, находясь в постоянном движении, Боря умудрялся всё время ничего не делать для себя. Его слушать было приятно, но спустя время, становилось понятно, что полностью бесполезно. Порядок не приносил успеха, а становился смертью. Но в те дни, когда Борис первым брал слово, он гнал Стёпу на турник, и это Стёпе нравилось.

Аркадий Эрастович, несмотря на пожилой возраст, очень любил передавать подушку от одного члена круга другому, поэтому пока кто-то говорил, он прохаживался внутри круга, постукивая тростью в такт словам. Это давало ему возможность прокомментировать предыдущего оратора и произнести некое предисловие следующему. Конечно, он порядком выбешивал всех остальных, но не пиздить же старичка. В целом неглупый, очень хорошо образованный, но крайне недоброжелательный, в некоторой степени злоязыкий, с отличным чувством юмора, Аркадий Эрастович абсолютно не стеснялся в выражениях.

Серёга.

Как этот персонаж попал в круг и почему никуда не делся - загадка почище тайны мироздания. Степану иногда казалось, что Серёгин организм вместо крови гоняет по венам незамерзайку, ибо тот был постоянно в стельку. Всё что говорил Серёга касалось только выпивки. Если ситуация была совсем уж неподходящей, Серж злобно швырял подушку в сторону не произнеся ни слова.

За Серёгой сидел Мика. Вечно угрюмый, какой-то несуразный и угловатый, говорил тихо, нескладно, непонятно. Жизнь его не отличалась трагедией или какими-то сложностями, но Мика ныл, ныл и ныл. Он вечно выставлял себя жертвой обстоятельств, сетовал на людей и свою беспомощность. Подушку ему добровольно никто не давал, но он всё время пытался её заполучить, причём, весьма успешно. Когда Мика начинал нудить о своём, на всех нападала сонная апатия, даже Боря прекращал сиять и становился похож на моложавого старичка. Соломон заливался тихими слезами… Аркадий Эрастович садился где стоял, хватался за голову и, покачиваясь, начинал болезно кряхтеть. Всех одолевала чёрная тоска.

Всех, кроме Володи. Только Володя мог прекратить эту вечеринку эмоготов. Он не любил Мику, но без особой ненависти. Просто неуважал. А Мика его боялся. Боялся его чёрных юрких глаз, резких движений, сочных прибауток. Володя вообще говорил редко и мало, но при этом резко, весомо и по делу. Чаще поговорками, порой зачитывал стихи. И почти всегда после Мики. Одна-две фразы наполняли круг смыслом бытия, всем вдруг хотелось сказать, всем хотелось жить. Только Мика сжимался и чернел ещё больше, но его уже никто не видел.

Володя не позволял Аркадию Эрастовичу передавать подушку, он прицельно бросал её тому, кто, по его мнению, был бы уместным оратором в сложившейся ситуации, а сам садился на место, пропадая в тени Марка.

Вообще, в тени Марка можно было бы спрятать взвод вьетнамских диверсантов или небольшой особнячок, не говоря уж про вовсе не рослого Володю. Высоченный от природы, он с малых лет трудился физически и всё свободное время проводил в спортзале. При этом удивительным, одному ему известным способом, умудрялся не быть долбоёбом. Отлично ладил с противоположным полом. Имел же небольшую, но крайне неприятную слабость к разным извращениям, возможно, основанную на мании доминирования, так что Борис постоянно наблюдал за ним и, если вдруг чего, не медлил выхватить подушку у Марка, тем самым оберегая Стёпу от различных глупостей.

Редкостным уникумом в кругу сидел, лежал, стоял, ходил, прыгал на одной ноге, махал руками и всяческими другими методами расходовал энергию Витя. С Борей их объединяла неуёмная страсть к действию. Однако если смазливый Борис собой являл порядок, то вечно взъерошенный Витёк своими словами сеял хаос, при этом его хаос не был разрушением, а всегда приносил весёлое удовольствие. Держать подушку Витя не любил, но из дружеских чувств к Степану, порой забирал её ближе к вечеру и не отпускал до утра.

Именно у Вити были лютые разногласия с Мариной, девушкой Степана. Он не раз говорил: женщина должна либо захватить тебя всецело и навсегда, так что ты не смог бы без неё дышать, подчинить тебя безоговорочно, но любя и по-доброму, опутать любовью и вытеснить из тебя все помыслы, либо не появляться вовсе. Маринка - полумера какая-то. Это не та женщина и считаться с ней нет смысла.

Вообще, с появлением Маринки Витя стал реже брать слово. С одной стороны там был Марк, который отлично ладил с ней, вроде бы делал её и Стёпку счастливыми, с другой стороны его давно тянули в другой круг, сулящий освобождение, но Витя пока держался и не хотел бросать друга.

Из остальных членов круга стоит обратить внимание лишь на Пенелопу. Степа с детства старался быть серъёзным мужчиной и не поощрял в себе проявлений слабости, поэтому единственную женщину в этой компании к подушке не допускали, а со временем и вовсе вытеснили из круга. Она нашла себе место в углу и сидела без движения. Сухая как мумия, покрытая местами мхом. Нельзя было с уверенностью сказать, жива ли она.

21 декабря Стёпа захотел подарить Марине мышку. Марк подсказал ему нарядить грызуна в милый костюмчик и повесить на шею колечко. Идея была неплохая и Степан отправился в магазин. В его небольшом городке единственное место где можно было купить мышь представляло собой склад всего и вся: лыжи в перемешку с вантузами и кормом для змей. Мыши жили в клетке рядом с цветами.

-Неплохо было бы и цветок ей прихватить - шепнул Марк.

И тут взгляд Стёпки упал на шикарнейший, ярко-розовый цветущий кактус.

- Блять, ну не дарить же кактус! Но как он охуенен - размышлял оторопевший Марк.

- А что, кактус да кактус, какая нахер разница - выхватил подушку Витёк. - бери!

Маринка подарку обрадовалась. Она привыкла, что Стёпа с прибабахом и искренне принимала его.

Между тем, на следующий день, а точнее к вечеру, Витёк с Серёгой захватили подушку и Степан решил выпить. Маринка уехала к подружке, видеть никого не хотелось и Стёпа, смешав водку с колой, запустил третьих героев. На втором стакане захотелось закусить, но нарисовался Соломон и до холодильника теперь точно было не добраться. Взгляд Стёпы упал на кактус, недоверчиво замерший около монитора.

Весь круг уставился на Витю, в чьих руках оказалась подушка.

- Иголки вроде небольшие, мягкие как пушок- произнёс Витя в раздумье. Кусни сбоку?

На вкус кактус оказался как огурец, а так как огурцы Стёпа любил, то успел только подумать, что цветок один хер завянет не сегодня - завтра.

Через минут двадцать со Стёпой приключилась странная вещь. Конечно, странные вещи в жизни Степана не были редким или выдающимся явлением, но оказаться самому в кругу Стёпа даже во сне не представлял. И всё же он стоял в этой